

Тематические сообщения

Thematic reports

DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_02_02

Тендрякова М.В.

Посвящение и просвещение как стратегии социализации:
социально-антропологический ракурс

Tendryakova M.V.

Consecration and Education as socialization strategies:
socio-anthropological perspective

Школа Антропологии Будущего РАНХиГС, Москва, Россия

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

Образование и вся система социализации детей и подростков – всегда производная от социо-культурной организации в целом. Исследовательский интерес предлагаемой статьи сосредоточен на том, как воспитание и образование связаны с культурно-историческими характеристиками общества. История и этнология открывают нам бесконечное многообразие историко-культурных вариантов, институтов и субъектов социализации. Тем не менее, можно выделить две ключевые стратегии социализации – посвящение и просвещение. Посвящение воспитывает и меняет ребенка как личность, апеллируя к его мотивационно-смысловой сфере. Просвещение – дает знания и обучает необходимым навыкам. Они реализуются в таких институтах, как школа и обряды инициации. Инициации посвящают, они наиболее характерны для архаичных культур и теснейшим образом связаны с функционированием памяти бесписьменного общества, с сохранением и преемственностью культурно-исторического опыта из поколения в поколение в устной традиции. Школа – просвещает. Она становится центральным институтом социализации в сложных письменных обществах, где востребованы рациональные знания. В постиндустриальную эпоху всё более очевидно становится, что ни стратегия посвящения с ее диктатом монополии, в которую вводит инициация раз и навсегда, ни стратегия просвещения, перегруженная невостребованными знаниями, не соответствуют запросам нашего времени с его непредсказуемостью и всё ускоряющимися переменами. В работе делается попытка рассмотреть сегодняшние запросы общества к системе образования и представить, какими чертами должна будет обладать новая ключевая стратегия социализации – третья стратегия,

чья задача – готовить к жизни в постоянно меняющемся мире и к тому, что учиться придется самостоятельно и практически в течение всей этой жизни.

Ключевые слова: образование, социализация, обряды инициации, посвящение, онлайн обучение, история школы, поколение Z

Для цитирования: Гендрякова, М.В. Посвящение и просвещение как стратегии социализации: социально-антропологический ракурс // Новые психологические исследования. 2022. № 2. С. 32–51. DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_02_02

Воспитание и образование, как правило, прежде всего связывают с детством и с отношением к детям и значительно реже исследуют связь между этими процессами и культурно-историческими характеристиками общества, где выстраиваются те или иные системы социализации. Тем не менее, эта обусловленность заслуживает особого внимания. Неоднократно звучала мысль, что государство выступает «заказчиком» по отношению к школе, к формату и содержанию образования (см. Мудрик, 2006, с. 90–93). Но обусловленность эта куда шире: образование и вся система социализации детей и подростков – всегда производная от социо-культурной организации в целом.

И.С. Кон представлял эту зависимость в духе теории исторических формаций, на протяжении истории человечества в роли субъекта социализации выступают различные социальные институты: «В обществах первичной формации социализация детей осуществляется совместными усилиями всей общины ...», далее последовательно субъектами первичной социализации выступают большие семьи или семейные группы и, позже, социализация становится делом государственным (Кон, 1988, с. 135–136). При этом сам И.С. Кон тут же оговаривается, что этнографическое и историческое многообразие субъектов социализации не выстраивается в линейную последовательность (Кон, 1988, с. 136–155). А.В. Мудриком была показана система факторов, влияющих на социализацию: глобальные мегафакторы, куда входят космос, страна, государство, мезофакторы, к которым относятся характер поселения (город–деревня), географический регион, и микрофакторы – конкретные воспитательные сообщества и институты (Мудрик, 2006). Перечисляемые факторы во многом взаимозависимы и уходят в бесконечность своих историко-культурных вариантов, как и формы, и субъекты социализации в истории.

Стоит попытаться в пестром социальном, историческом и культурном многообразии выделить *ключевые форматы социализации*

и уловить то, как именно они связаны с наиболее существенными особенностями и запросами породившей их социокультурной системы.

Введение нового поколения в жизнь – ведь именно это по большому счету делают все составляющие социализации (от ухода за младенцами до университетов и программ профессионального образования) – должно решать, как минимум, две задачи. Эти задачи были описаны еще Ю.М. Лотманом: первая – обеспечение продолжения жизни и функционирования социокультурной системы, то есть обеспечение ее воспроизведения и эволюции (для этого нужна преемственность), и вторая – создание инновационного потенциала системы, придающего ей стрессоустойчивость к многообразным катаклизмам, социальным, геополитическим и даже природным (Лотман, 1992, см. также Асмолов, 1996). И интеллектуальные заделы, которые создает теоретическая не прикладная наука, и невостробованные изобретения, и «несвоевременные мысли», и «лишние люди» с их странным и нестереотипным поведением, и даже «узаконенное безумство» – всё это тот самый «резервуар неопределенности», порождающий инновации (Лотман, 1992). Воспроизведение прошлого опыта и его преемственность, а также креативность и способность генерировать новое – две эти задачи и баланс стоящих за ними тенденций развития общества (сохранения статуса-кво и новаторства) должны быть реализованы в социализации нового поколения.

Все многообразие задач, решаемых образованием, можно в той или иной степени приближения свести к двум основным стратегиям – стратегии *посвящения* и стратегии *просвещения*. Как готовить ребенка ко взрослой жизни – «начинать» его голову знаниями и обучать необходимым навыкам (просвещать) или воспитывать и менять его как личность, апеллируя к мотивационно-смысловой сфере (посвящать)? Посвящение и просвещение выступают в том же качестве, что и «имплицитные концепции воспитания», раскрывая смысл, чего же прежде всего «старшие добиваются от младших» (Муарик, 2006, с. 72).

Эти крайности реализуются в таких институтах социализации, как школа и обряды инициации. Инициация посвящает, а школа просвещает. Они взаимно не исключают друг друга, их нельзя полностью развести во времени, но они совсем по-разному выстраивают ход обретения новых знаний и по-разному видят суть взросления и личностной зрелости.

Посвящение в бесписьменных обществах

Возрастные инициации – это кросс-культурные универсалии, следы их существования обнаруживаются у многих народов мира. В традиционных обществах они выступают как один из центральных институтов социализации, в котором сходятся важнейшие «силовые линии» культуры – представления о взрослости, посвящение в религиозную эзотерику, культовая жизнь, стратификация общества (в виде основных возрастных категорий, возрастных групп и/или классов) и гендерная социализация.

Чтобы стать посвященным и взрослым, надо преодолеть «пустыню бесстатусности» (выражение В. Тернера) (Тернер, 1983, с. 171). Утратив свой прежний статус ребенка, неофит оказывается в положении изгоя и маргинала, пребывающего вне общества, становится существом асоциальным. В крайней степени это проявляется в том, что у некоторых народов во время инициаций мальчикам-неофитам позволяется безнаказанно красть и грабить, нарушать всяческие запреты. Это можно проследить и на материалах аборигенов Австралии, и на ватагах спартанских подростков, последним на определенном этапе разрешалось воровать, разорять сады и убивать рабов-илотов. Маргинальное асоциальное поведение – будь то разгул и буйства или, напротив, немота, неподвижность, пассивность – всячески подчеркивает, что неофит находится вне общества, что в прежнем своем качестве он «умирает». Становление новой личности начинается с тотального нивелирования прежнего индивидуума, с низведения неофитов до уровня человеческой «prima materia»: «... им должно быть показано, что сами по себе они – глина, прах, ... материал, форму которому придает общество» (Тернер 1983, с. 231, 177; Turner, 1988, p. 14–19).

Эта мысль передается через образ временной смерти (поглощение неофита каким-либо чудищем, мифическим питоном или злым духом) (Stanner, 1959, p. 112; Stanner, 1960, p. 107–110; van Gennep, 1960, p. 114–115). Временная же смерть и путешествие в иной мир становится приобщением к таинству и источником особых знаний. Знания, полученные «на том свете», – не информация, а «дары», которые обретаются ценою смерти и возрождения. Они наделяют неофита особыми качествами и, в конечном счете, дают ему право занять более высокий социальный статус.

Преємственность тайных знаний понимается как залог продолжения жизни, и эта новая ответственность, возложенная на плечи посвящаемых, реально меняет социальный статус

инициируемого. Чудо перерождения подростка, прошедшего обряды возрастных инициаций, неоднократно отмечалось в этнографической литературе. Инициированные мальчики словно вырастали из своих прежних детских интересов, менялось их отношение к самим себе, к окружающим, они уже не позволяли себе капризничать, плакать, настойчиво что-то требовать у взрослых, они сами становились взрослыми.

Приподняв завесу сакральности, в возрастных инициациях можно выделить две стороны, тесно взаимосвязанные друг с другом: работа с личностью неопита и его приобщение к исторической памяти бесписьменного общества, воспитание человека как хранителя этой памяти (Тендрякова, 2014).

Первое реализуется как *личностный кризис*, сконструированный искусственно, когда человек сталкивается с невозможностью жить так, как жил раньше, оставаться таким, как был раньше (Василюк, 1984, с. 25–31). А многочисленные обряды, входящие в цикл инициаций, «работают» как психотехнические приемы: они символизируют и наглядно представляют те внутренние перемены, которые должны произойти с неопитом. Не боль и испытания сами по себе создают нового человека, а причастность к высшим ценностям и та смысловая реальность, что стоит за внешним действием. Архаичная инициация прежде всего воспитывает хранителя сакральных традиций.

Для бесписьменной культуры такой способ преемственности знаний невозможно переоценить. Вероятно, именно поэтому возрастные инициации как раз наиболее характерны для архаичных культур и теснейшим образом связаны с функционированием памяти бесписьменного общества.

Память бесписьменной культуры, как это было показано Ю.М.Лотманом, стремится сохранить сведения о порядке мира, а не о его нарушениях, о традиции, а не об эксцессе. Такая память сакрализуется, она связана с ритуалами и предполагает циклическое повторение важнейших для данного общества событий. Для такого рода информации письменность не является необходимостью. Ее роль берут на себя мнемонические знаки, к которым можно отнести обряды, мифы, эмблемы, любые продукты человеческой деятельности и явления природы (Лотман, 1987, с. 5). Стоящие за ними тексты и сюжеты, хранящиеся в устной памяти общества, открываются новому поколению в возрастных инициациях.

Важно также, что в любой инициации всегда подразумевается, что она вводит в *главную роль в жизни*, определяет, кто ты есть прежде всего:

мусульманин, брахман, христианин, монах после пострижения, монарх после возведения в сан, рыцарь после посвящения в рыцари, шаман после шаманских инициаций... Все остальные роли, интересы, ценности должны уйти в тень и на второй план. Инициации, по сути, обрекают человека, если и не на *монороль*, то на роль, что превыше всего. Жесткие предписания, кем и каким быть, которые предполагают возрастные посвящения, годятся далеко не для всех обществ и культур, поэтому в истории они, если и не исчезают совсем, то сдают свои позиции.

Трансляция знаний в сложных бесписьменных обществах

Невозможно назвать все отличия между архаичными обществами и обществами, которые принято называть цивилизованными. Но всё же несколько самых общих обозначить можно: это наличие письменности, социальная сложность (чьей главной чертой является многообразие пересекающихся социальных страт, функций и укладов жизни, при том что отдельно друг от друга они существовать не могут), а также наличие корпуса позитивных знаний, обеспечивающих технологические основы жизнедеятельности такого общества.

По мере нарастания сложности общества будет увеличиваться разнообразие сфер деятельности и, как следствие, число социальных функций и количество ролей, которые должен реализовать человек. Заданная инициацией *монороль* – одна на все ситуации и на всю жизнь – здесь не подходит. Возможно, именно поэтому в сложных обществах нет таких всеохватывающих возрастных инициаций, и институт посвящений во взрослые (даже если он сохраняется) не занимает центрального места.

В сложных обществах, движущихся по пути научно-технического прогресса, в социализации детей и подростков *акцент смещается с посвящения на просвещение* – рациональные знания всё более востребованы, и именно ими должен быть экипирован ребенок по мере его перехода во взрослую жизнь. Письменность обеспечивает внешние и отчужденные формы хранения накопленного опыта. Центральным институтом социализации становится школа.

Школа, по крайней мере, та, что возродилась в Средневековье (между нею и пайдями, гимназиями, палестрами и эфебиями античности нет прямой преемственности) и которая есть в наши дни, всецело настроена на передачу рациональных знаний. Д.Н. Узнадзе, основоположник грузинской психологической школы и выдающийся педагог, связывал это с наследием «просветителей,

которые культивировали исключительно позитивные знания и «объявили неограниченный интеллектуализм единственно истинной точкой зрения» (Узнадзе, 2000, с. 30). Узнадзе ратует за школу воспитания, именно она сможет выковывать такие качества, которые будут «соответствовать возвышению жизни выше существующего уровня» (Узнадзе, 2000, с. 41). Но тут же сам оговаривается, что у школы воспитания своя «трагедия»: стремясь пропустить всех через один и тот же «шаблон личности», она рискует подчинить всех одним и тем же требованиям (Узнадзе, 2000, с. 62–64).

У школы рациональных знаний свои, хотя и иные проблемы – прежде всего не востребовавшие знания, которые даются «на вырост». Тщетно учителя средней школы объясняют тинейджеру, что ему обязательно пригодятся производные, интегралы или постулаты Бора, – понимание их прикладной и экзистенциальной ценности в масштабах научного познания мира выходит далеко за пределы школьной программы. Ответы на незадаваемые вопросы и обесцененные знания легко забываются, об этой проблеме современной школы не раз говорили педагоги и психологи.

В современном мире, в постиндустриальную эпоху в информационном обществе вопросы, как и чему учить в школе, встают с особой остротой. Как подготовить ребенка к жизни в мире, чьи будущие очертания мы себе едва ли представляем? Какие умения и знания ему могут понадобиться? Как «упаковать» максимальный багаж знаний в учебные программы? Как воспитать личность-индивидуальность, которая бы вобрала в себя основной историко-культурный опыт с его ценностями и смыслами, не утратив при этом самостоятельности и внутренней свободы?

Всё более очевидно становится, что ни *стратегия посвящения* с ее диктатом монополии, т.е. миссии, возлагающейся раз и навсегда, ни *стратегия просвещения* с ее малым вниманием к экзистенциальным проблемам, не соответствуют запросам эпохи непредсказуемости и всё ускоряющихся перемен¹³.

¹³ Современный мир называют постиндустриальной эпохой и информационным обществом, а также «эрой Меркурия», когда большие группы людей становятся социальными кочевниками, находящимися в постоянном движении, пересекая привычные границы понятий и государств (Слезкин, 2007). «Эра Меркурия» началась в XX веке, а наши дни описываются уже в понятиях неопределенности, непредсказуемости, разнообразия, нарастающей сложности, мобильности, полифоничности, нелинейности развития и всё ускоряющихся изменений (подробнее см. Асмолов 2018).

Поколения эпохи интернета

Технологические инновации и интернет привели к тому, что новое поколение уже не представляет себе, что школа может быть главным поставщиком знаний. Сегодняшние школьники по владению гаджетами и поиску по сети стабильно опережают своих учителей – обо всем этом сказано достаточно много (подробнее см. Бэк, Уэйд, 2008; Солдатова и др., 2011). У нового поколения другое отношение и к школе, и к окружающему миру.

Поколение Z и следующее за ним, еще не названное поколение, не могут представить себе жизнь без смартфонов, социальных сетей, стримов и ютюба. Представители этих поколений готовы к тому, чтобы озвучить свое отношение, поделиться впечатлениями, они не раз выкладывали ролики в интернете, бросали ключ виртуальному сообществу, что-то сообщали, что-то узнавали. Им, родившимся «с гаджетом в руке», невдомек, что в их лета «не должно сметь своё суждение иметь». Они привыкли к многоголосью мнений и дискуссий, выплескивающих в реальность, для них – это норма жизни и среда обитания.

Социологические опросы пытаются из набора черт собрать портрет поколения Z: они не спешат признавать авторитеты, узнают новости в режиме онлайн из самых разных источников, получая задание, любят четкие инструкции. К тому же это поколение геймеров, а геймер привык строить цивилизации и разрабатывать стратегии, он привык быть центром своего сетевого мира, когда виртуальный мир чутко отзывается на все пользовательские запросы (Исследование Gen Z, 2018).

ЮНИСЕФ и институт Gallup летом 2021 г. в проекте The Changing Childhood провели опрос представителей различных возрастных групп в 21 стране. Они сравнили, как отвечают на вопросы молодые люди 15–24 лет и старшее поколение 40+. Главным было постараться увидеть, в чем именно проявляется разрыв между поколениями. Беседа строилась вокруг двух главных вопросов: «What is it like growing up today?» и «How do young people see the world differently?»

Обобщая полученные в исследовании результаты, можно сказать, что молодые информанты не так остро, как старшие, ощущают отличие жизни онлайн от офлайн. Те, кому 15–24, живут в мире, который во многом сформирован интернетом. Социальные сети – их главный источник информации, там они имеют дело с самыми разными культурами, понятиями и разнообразными идеями намного больше, чем любое поколение до них.

По результатам *Changing Childhood*, молодому поколению свойственна более глобальная идентичность. Участники опроса из выборки 15–24 почти что в два раза чаще, чем старшие, отвечали, что чувствуют себя прежде всего частью мира, а не представителями своей страны или местного сообщества (исключение составили информанты из Бангладеш и Японии)¹⁴. Глобальная идентичность хорошо сочетается с тем, что, по данным того же опроса, молодое поколение более, чем старшее, озабочено вопросами экологии.

Присущий молодым оптимистичный взгляд в будущее (57% данной выборки считают, что с каждым новым поколением мир становится лучше) в поколении Z сочетается с тем, что 36% выборки признались, что часто испытывают тревожность, апатию и даже депрессию. (Свидетельствуют ли эти данные о реально возросшей тревожности среди молодого поколения или о повышенной рефлексии собственного состояния – остается за пределами данного исследования.)

Молодые стремятся активно участвовать в общественной жизни, предлагают снизить возраст, когда уже можно голосовать и участвовать в выборах в государственные структуры. Но при этом считают, что не надо рано выходить на работу и International Labor Organization должна увеличить возраст приема на работу с 14 до 17 лет. Возраст вступления в брак следовало бы также увеличить (*The Changing Childhood Project*, 2021). Эти черты поколения Z вполне последовательно продолжают образ «кидалтов» из поколения миллениалов, так и не «повзрослевших взрослых» от 20 до 40 лет (от англ. *kid* – «ребенок» и *adult* – «взрослый»)¹⁵. Кажется, что и миллениалы, и поколение Z более всего стараются избежать бесповоротных окончательных решений. Они живут в постоянно меняющемся мире и боятся остановить свой

¹⁴ Исследования среди мигрантов показали, что для молодого поколения характерна идентификация с принимающей доминирующей культурой, тогда как для старшего поколения характерна идентификация с родной культурой и традиционным локальным сообществом. При том, что исследование *Changing Childhood* обнаружило, что глобальная идентификация напрямую коррелирует с интенсивностью обращений к интернету и с проживанием в больших городах (*The Changing Childhood Project*, 2021, p. 53), нельзя сбрасывать со счетов сам факт, что с возрастом появляется тенденция к обращению к прошлому и к более локальной и традиционной идентификации, а это уже сфера психологии личности.

¹⁵ «Кидалты» – это целый синдром, в который входит особый стиль одежды и поведения, пристрастия и вкусы, по старым понятиям ассоциирующиеся с детством. Они не спешат вступать в брак и обзаводиться детьми, легко меняют работу и профессию (о «кидалтах» подробно см. Горалик, 2008).

выбор на чем-то одном, им спокойнее, когда вариантов много и есть шанс на еще одну попытку.

Американские социологи Д. Бэк и М. Уэйд условно выделили поколение геймеров – тех, кто вырос и вырос на компьютерных играх. Геймеры легко идут на риск, легко переживают поражения, тут же делают новые попытки, чтобы взять реванш (Бэк, Уэйд, 2008). Они склонны прибегать к стратегии проб и ошибок – ведь именно этому учат игры: не получилось, перезагрузись и попробуй еще раз. У тебя обязательно получится! Геймеры – миллениалы легко экспериментируют и затевают бизнес-проекты (Тендрякова, 2015).

Героями нашего времени становятся молодые стартаперы и блогеры, дерзновенно развивающие свои проекты. Юные миллионеры TikTok'a жонглируют астрономическими суммами доходов и миллионами подписчиков (Доходы самых популярных тиктокеров..., 2022). Самые успешные стартапы связаны с логистикой, с поиском информации, с виртуальным маркетингом, веб-дизайном, с разработкой программ и созданием виртуальных игр. Параллельно активно артикулируется тема, что окончание школы, учеба в институтах/колледжах вовсе не необходимы для успеха (Taylor, 2013), причем не только в сфере блогерства и IT-технологий, но и в мире современного бизнеса. При этом надо отдавать себе отчет, что топы мультимиллионеров без образования – это то, что называется «опыт выживших»: за блестящими историями успеха единиц стоят неслучайные десятки тысяч историй неуспеха и провалов. Только последних не слышно, у них никто не берет интервью. К тому же невозможно доказать, что камнем преткновения взлетов и падений действительно является системное образование.

В этом многоголосье мнений нам важно то, что из многообразия социальных мифов об успехе среди поколения Z складывается негативный образ традиционной системы европейского образования. Школа (и в узком, и в широком смысле слова, как сложившаяся система образования) не успевает за сегодняшним днем, она консервативна по набору знаний и немобильна по педагогическим методикам.

Запрос на новую школу

В потоке критики стоит попытаться выделить и сформулировать запросы к новой школе – какой она должна быть? Наше сегодня позволяет заглянуть в завтрашний день, как сказал писатель-фантаст Уильям Гибсон: «Будущее уже здесь. Только оно еще неравномерно распределено».

В быстро меняющейся реальности и в профессиональной среде, связанной IT технологиями, невозможно НАучиться, но надо учиться все время. Мы не знаем, какие именно знания будут востребованы завтра и послезавтра. Первые попытки приблизиться к этому новому требованию и принципиально изменить школьную программу – это перенос акцента с обучения на образование (Попов, 2021). *Обучение* предметно, оно дает конкретные знания и вырабатывает навыки такие, как, например, умение решать типовые задачи. Оно строится по дисциплинам: ученики проходят физику, химию, математику и т.д., усваиваемые формулы с трудом увязываются с повседневной реальностью. *Образование* же ориентируется не на предметы, а на социо-культурные объекты, изучая материал по темам, будь то «Лес» или «Евросоюз», то есть всесторонне рассматривает некие фрагменты реальности. По большому счету оно выполняет онтологическую функцию и работает на самоопределение человека (Попов, 2021). Переход на модульную систему в ряде школ как раз пытаются реализовать педагогическую парадигму образования.

Отказ от посещения школы и *домашнее* обучение – еще один вариант изменения привычной системы получения знаний. Эта тенденция медленно, но неуклонно растет во всем мире, в том числе и в России. Но если в России к 2019 году было 100 тысяч школьников на домашнем обучении, то в США уже в 2015 году на семейном обучении было 2,3 миллиона детей (Сергеев, 2020; Давыдова, 2021). Количество обучающихся на дому в США до 2019 года ежегодно росло на 2–8% (ThinkImpact, 2021).

Казалось бы, последнее – вовсе не инновация, но возрождение старого доброго домашнего образования. Тем не менее, это не совсем так. Homeschooling в наши дни не может не вступать в диалог со школой и реализуется в нескольких вариантах. Заочное обучение и экстернат в той или иной степени следуют школьной программе и контролируются школой. В то время как анскулинг совершенно отрицает школьные программы и делает акцент на повседневных практиках, жизненном опыте, на том, что познавательная инициатива должна исходить от самого ребенка. Взрослое же сообщество должно не задавить природные склонности и таланты – социализаторские установки вполне в духе Ж.-Ж. Руссо (Давыдова, 2021). При этом современный Homeschooling во всех вариантах активно обращается к интернет-ресурсам – онлайн уроки, доступ к информации, учеба не по учебникам.

Homeschooling хорошо сочетается с тем, что поколение Z не противопоставляет жизнь онлайн и офлайн. Привычка жить в цифровом пространстве ведет к тому, что учащиеся полагаются на онлайн платформы не меньше, а, может, и более, чем на традиционные источники информации (The Changing Childhood Project, 2021). Онлайн образование востребовано как наиболее привычный способ получения знаний. Эпидемия COVID'a форсировала эту тенденцию, заставив в сжатые сроки совершить множество технологических проывов.

По статистическим данным аналитического проекта ThinkImpact, первым в ряду аргументов в пользу перевода ребенка на домашнее образование выступает то, что у него будет больше свободы и возможностей понять свои собственные интересы; далее следует аргумент, что ребенку нужно индивидуальное внимание, и только потом уже идет речь о безопасности школ и стремлении избежать школьного буллинга (опрос был проведен до пандемии) (ThinkImpact, 2021). За аргументациями родителей, а также за многочисленными попытками создания новых школьных и внешкольных учебных форматов и программ проступают основные запросы сегодняшнего общества, предъявляемые к школе в широком смысле.

Преодоление школьной унификации. Упрек школе в воспитании конформизма и некритического мышления (Узнадзе, 2000; Шlich, 1972). Этот запрос теснейшим образом связан с антропологическим поворотом, характерным для наших дней, и с сопутствующим ему «массовым запросом на индивидуальность» (Асмолов, 2018). Свидетельством тому служит все возрастающая популярность творческих увлечений и хобби, разного рода коучеров и психотерапевтов и даже мода на тестирование, которое сулит быстро дать ответ о твоих скрытых возможностях и талантах. В школьном контексте это же проявляется в стремлении высвободить время от школьной нагрузки ради самостоятельного поиска ребенка: надо, чтобы у него было время задуматься над вопросами «кем я хочу стать» или «что мне интереснее всего». Все перечисленное – закономерное продолжение развития индивидуалистских культур с их вниманием к человеку, с признанием его права быть не таким, как все, и с идеей самореализации как важнейшей составляющей жизненной стратегии¹⁶.

¹⁶ Индивидуалистские культуры с их ориентацией на человека противопоставляются коллективистским культурам, в которых акцент делается на сохранение группового единства, на подчинении авторитету и единомыслию (Гринадис, 2014).

Возникают *онлайн школы* с их виртуальным вниманием к каждому ученику: кроме онлайн учителей, ведущих уроки для класса, появляются наставники. За каждой группой закреплен наставник, он виртуально отслеживает, проснулись ли к первому уроку, делает с учениками интеллектуальную «разминку» перед началом учебного дня, выслушивает жалобы, объясняет непонятое, повторяет неувоенное – всё в виртуальном режиме. При этом онлайн школы регулярно устраивают всяческие мероприятия «в реале» – вечера, викторины, экскурсии. Число такого рода встреч из года в год растет – роскошь живого общения и обретаемый в нем коммуникативный опыт, безусловно, ценятся все больше. Свободы дистантного обучения и индивидуальный подход к ученикам делают учебные программы гибкими¹⁷.

Стремление преодолеть унификацию порождает запрос на создание *индивидуальных образовательных маршрутов*, которые сулят на своих сайтах новаторские школы.

Социализация, чья задача – попытаться подготовить к неопределенности и непредсказуемости будущего, – это не только вопрос гибкости и многообразия программ образования, но, главное, – проблема формирования *мотивации* к самостоятельному обучению. Если мы не можем сказать, что понадобится сегодняшнему школьнику в его взрослой и профессиональной жизни, то его надо научить учиться самостоятельно. Учебный процесс должен стимулировать поисковую активность.

Последнее невозможно, если есть боязнь сделать ошибку. Школа же приучает к тому, что любая ошибка так или иначе наказуема, понизят оценку, снимут баллы. Страх ошибиться убивает креативность. *Право на ошибку* – вот одно из требований к новым учебным системам (Кто такие хоумскулеры, 2021).

Веками школьные задачки предполагали, что у каждого вопроса есть «единственно правильный» ответ. Сложность и многоплановость современного мира ставит этот дидактический посыл под сомнение: «правильных» ответов может быть несколько, а может и вовсе не быть (как в той знаменитой задачке с поездом, у которого сорвало тормоза, и нам предлагают выбрать, кем «лучше» пожертвовать – одной или несколькими человеческими жизнями), а может, и вовсе ответ надо искать за пределами условий задачи...

¹⁷ Европейская гимназия, внутри которой есть Онлайн школа для учащихся 5–9 классов, <https://eurogym.ru/onlineschool/>

И еще... Если мы переносим акцент на непрекращающееся обучение и мотивацию к самостоятельной учебе, то новая школа должна дать *навигацию в море информации*: как искать и находить необходимую информацию; как оценить достоверность источника; как ориентироваться и отличать фейки и симулякры и верифицировать данные.

Заключение

За всеми этими посылами проступают черты новой стратегии образования, не сводящейся ни к посвящению, ни к просвещению, стратегии, которая должна готовить к постоянно меняющемуся миру. Воспитательный назидательный посыл – непременно привить неофиту-ученику те или иные ценности и установки – уступает место тому, что учеба должна помочь ученику раскрыть свои интересы, найти себя, мотивировать на дальнейшее познание мира и обретение профессиональных качеств. Прямо и подспудно выступает требование, что познание должно менять онтологический статус познающего (Леонтьев, 1977; Попов, 2021). Эта третья стратегия обязана подготовить к тому, что учиться придется самостоятельно и практически в течение всей жизни. Какими именно знаниями и умениями надо овладеть, будет зависеть от индивидуальных предпочтений и жизненных обстоятельств – выбор, в конечном счете, за учащимся. Причем система образования и предлагаемые ею базовые знания должны представлять как проблемное поле, из каждой точки которого можно начать свой собственный поиск, углубляясь в ту или иную область. Конечно, пока что это только самый общий и к тому же идеализированный абрис того, что хотелось бы ожидать от будущей школы. Саму же стратегию образования в эпоху перемен, отдавая должное теории личности А.Н. Леонтьева, условно можно назвать *стратегией самостроения*.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Литература

Асмолов, А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Издательство «Институт практической психологии», 1996.

Асмолов, А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и многообразия // *Mobilis in mobile: личность в эпоху перемен*. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. С. 13–28.

Бэк, Дж., Уэйд, М. Донгралис! Как поколение геймеров навсегда меняет бизнес-среду. М.: Издательство Претекст, 2006. URL: http://www.e-reading.me/bookreader.php/134789/Bek_-_Doigralis?!_ili_Kak_pokolenie_geiimero_v_navsegda_menyaet_biznes-sredu.html (дата обращения 12.12.2013).

Василюк, Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Издательство МГУ, 1984.

Горалик, Л. Маленький принц и большие ожидания: «новая зрелость» в современном западном обществе // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. М.: НЛО, 2008. С. 259–299.

Давыдова, М.Ф. «Сообщество российских хоумскулеров как альтернатива традиционной школе» // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. / Отв. ред. И.В. Нам. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2021. С. 702. URL: <https://rusanthro.files.wordpress.com/2021/07/d0a1d091d09e-d0a0d09dd098d09a-xiv-d09ad090d0add0a0.pdf> (дата обращения 01.03. 2021).

Доходы самых популярных тиктокеров оказались выше, чем у глав крупнейших корпораций США // Новая газета, 2022. URL: <https://novaya-gazeta.ru/articles/2022/01/23/dokhody-samykh-populiarnykh-tiktokerov-okazalis-vyshe-chem-u-glav-krupneishikh-korporatsii-ssha-news> (дата обращения 23.01.2022)

Исследование Gen Z. 2018. URL: <https://www.criteo.com/ru/wp-content/uploads/sites/10/2018/07/2018-Gen-Z-Report-RU.pdf> (дата обращения 15.10.2021)

Кон, И.С. Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). М.: Издательство «Наука», 1988.

Кто такие хоумскулеры и как их отличить от обычного школьника // Фоксфорд. Домашняя школа. 04.10.2021. URL: <https://externat.foxford.ru/polezno-znat/homeschooler> (дата обращения: 08.06.2022)

Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Издательство политической литературы, 1977.

Лотман, Ю.М. Культура и взрыв. М.: «Гнозис», 1992.

Лотман, Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. М.: Издательство «Наука», 1987. С. 3–17.

Мудрик, А.В. Социализация человека: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006.

Попов, А.А. «Самоопределение» конференция «Открытое образование и региональное развитие: Управление содержанием». 2021. URL: <http://www.opencu.ru/uploads/samoopredelenie2.pdf> (дата обращения 01.03.2021).

Сергеев, П. Как устроено домашнее обучение в РФ и стоит ли переводить на него ребенка // РБК. 2020. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/57cc6fd9a79471501bb1e2e> (дата обращения 12.07.2021)

Слезкин, Ю.А. «Эра Меркурия. Евреи в современном мире». М.: НАО, 2007.

Солдатова, Г., Зотова, Е., Чекалина, А., Гостимская, О. Пойманные одной сетью: социально-психологическое исследование представлений детей и взрослых об Интернете М.: Фонд Развития Интернет, 2011.

Тендрякова, М.В. Игровые миры: от Homo ludens до геймера. СПб.: «Издательство Нестор-история», 2015.

Тендрякова, М.В. Первобытные возрастные инициации в кругу «вечных» вопросов. // Этнографическое обозрение. 2014. № 1. С. 91–101.

Тернер, В. Символ и ритуал. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

Триандис, Г. Культура и социальное поведение. М.: Издательство ФОРУМ, 2014.

Узнадзе, Д.Н. Антология Гуманной педагогики. М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 2000.

Illich, I. Deschooling society. New York: Harrow Books, 1972.

Stanner W.E.H. On Aboriginal Religion. II. Sacramentalism, Rite and Myth // Oceania. 1960. Vol. 30. No. 4. P. 245–278.

Stanner, W.E.H. On Aboriginal Religion // Oceania. 1959. Vol. 30. No. 2. P. 108–127.

Taylor, A.B. 5 Successful Entrepreneurs Without a College Degree // Kiplinger. 2013. URL: <https://www.kiplinger.com/slideshow/business/t049-s001-successful-entrepreneurs-without-a-college-degree/index.html#:~:text=Would%2Dbe%20entrepreneurs%20can%20find,school%2C%20in%20some%20cases> (дата обращения 01.05.2021)

The Changing Childhood Project. A multigenerational, international survey on 21st century childhood. 2021. URL: <https://www.unicef.org/globalinsight/media/2266/file/UNICEF-Global-Insight-Gallup-Changing-Childhood-Survey-Report-English-2021.pdf> (дата обращения 01.01.2021).

ThinkImpact. Homeschooling Statistics. 2021. URL: <https://www.thinkimpact.com/homeschooling-statistics/#5-reasons-why-parents-choose-to-homeschool-their-children> (дата обращения 01.10.2021).

Turner, V.W. Betwex and Between: The Liminal Period in Rites of Passage / In L.C., Mahdi, S. Foster, M. Little (Eds.), Betwixt and Between: Patterns of Masculine and Feminine Initiation. La Salle, Ill: Open Court, 1987. P. 3–23.

van Gennep, A. The Rites of Passage. Chicago: University of Chicago Press, 1960.

Сведения об авторе

Мария В. Тендрякова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Школа Антропологии Будущего РАНХиГС, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 82; старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр. 32а.; *mashatendryak@gmail.com*

Tendryakova M.V.

Consecration and Education as socialization strategies: socio-anthropological perspective

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia
Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow, Russia*

The system of educating and socializing children and teenagers always depends on the socio-cultural organization of society as a whole. The research interest of this paper is focused on the link between education and socio-historical characteristics of society. History and ethnology represent us wide variety of the types, institutions and subjects of socialization. However, we can distinguish two main strategies of socialization: consecration and education. Consecration shapes the child as a personality, dealing with the motives and senses of the neophytes and their understanding of things. Education imparts rational knowledge and teaches skills. Both are reflected in social institutions such as schools and initiation ceremonies. Initiation practices help people to become a part of social groups, and are characteristic of ancient cultures. They are also linked to the formation of memories in non-literate societies and the oral transmission of knowledge. School enlightens and educates; it is the central institution where socialization takes place in complex educated societies, and where rational knowledge are valued most highly. In post-industrial societies, neither of these strategies is effective, due to their unpredictability in a rapidly changing world. Initiation strategies are too rigid and burdensome. Educational strategies overload pupils with unclaimed knowledge and impart too much knowledge that has little real-world application. In this paper, I survey the educational requirements imposed by contemporary society and outline the features of a new foundational socialization strategy.

Key words: education, socialization, initiation rites, consecration, online education, history of school, generation Z

For citation: Tendryakova, M.V. (2022). Consecration and Education as socialization strategies: socio-anthropological perspective. *New Psychological Research*, No. 2, 32–51. DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_02_02

Acknowledgment

The paper was prepared as a part of the research work of the state assignment of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

References

Asmolov, A.G. (2018). Psychology of modernity: challenges of uncertainty, complexity and diversity. In *Mobilis in mobile: personality in an era of change* (pp. 13–28). Moscow: Izdatel'skii Dom YaSK.

Asmolov, A.G. (1996). *Cultural-historical psychology and construction of the worlds*. Moscow: Izdatel'stvo «Institut prakticheskoi psikhologii».

Beck, J.C., Wade, M. (2006). *Got Game: how the gamer generation is reshaping business forever*. Moscow: Izdatel'stvo Pretekst. Retrieved from http://www.e-reading.me/bookreader.php/134789/Bek_-_Doigralis'_ili_Kak_pokolenie_geimerov_navsegda_menyaet_biznes-sredu.html

Davydova, M.F. (2021). Community of Russian homeschoolers as an alternative to the traditional school. In V. Nam (Ed.), *XIV Kongress antropologov i etnologov Rossii: sb. materialov*. Tomsk, 6–9 July 2021 (p. 702). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Retrieved from <https://rusanthro.files.wordpress.com/2021/07/d0a1d091d09ed0a0d09dd098d09a-xiv-d09ad090d0add0a0.pdf>

Gen Z report (2018). Retrieved from: <https://www.criteo.com/ru/wp-content/uploads/sites/10/2018/07/2018-Gen-Z-Report-RU.pdf>

Goralik, L. (2008). The Little Prince and Great Expectations: A “New Maturity” in Contemporary Western Society. In *Fashion theory. Clothing. Body. Culture* (pp. 259–299). Moscow: NLO.

Illich, I. (1972). *Deschooling society*. New York: Harrow Books.

Kon, I.S. (1988). *Child and society (historical and ethnographic perspective)*. Moscow: Izdatel'stvo «Nauka».

Leontiev, A.N. (1977). *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury.

Lotman, Iu.M. (1987). A few thoughts on the typology of cultures. In *Iazyki kultury i problemy perevodimosti* (pp. 3–17). Moscow: Izdatel'stvo «Nauka».

Lotman, Iu.M. (1992). *M. Culture and explosion*. Moscow: «Gnozis».

Mudrik, A.V. (2006). *Human socialization: a textbook for students of higher educational institutions*. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya».

Popov, A.A. (2021). «Self-Determination». Conference «Open Education and Regional Development: Content Management». Retrieved from <http://www.open-cu.ru/uploads/samoopredelenie2.pdf>

Sergeev, P. (2020 December 17). How is homeschooling in the Russian Federation and is it worth transferring a child to it. RBK. Retrieved from <https://trends.rbc.ru/trends/education/5e7cc6fd9a79471501bb1e2e>

Slezkin, Iu.L. (2007). *Age of Mercury. Jews in the modern world*. Moscow: NLO.

Soldatova, G., Zotova, E., Chekalina, A., Gostimskaia, O. (2011). *Caught in the same net: a socio-psychological study of children's and adults' perceptions of the Internet*. Moscow: Fond Razvitiya Internet.

Stanner, W.E.H. (1959). On Aboriginal Religion. *Oceania*, 30(2), 108–127.

Stanner, W.E.H. (1960). On Aboriginal Religion. II. Sacramentalism, Rite and Myth. *Oceania*, 30(4), 245–278.

Taylor, A.B. (2013 November 13). 5 Successful Entrepreneurs Without a College Degree. Kiplinger. Retrieved from <https://www.kiplinger.com/slideshow/business/t049-s001-successful-entrepreneurs-without-a-college-degree/index.html#:~:text=Would%2Dbe%20entrepreneurs%20can%20find,school%2C%20in%20some%20cases>

Tendriakova, M.V. (2014). Prehistory age-related initiations in the circle of “eternal” questions. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1, 91–101.

Tendriakova, M.V. (2015). *Game worlds: from Homo ludens to gamer*. St. Petersburg: «Izdatel'stvo Nestor-istoriya».

Turner, V. (1983). *Symbol and ritual*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literaturny izdatel'stva «Nauka».

The Changing Childhood Project. A multigenerational, international survey on 21st century childhood (2021). Retrieved from <https://www.unicef.org/globalinsight/media/2266/file/UNICEF-Global-Insight-Gallup-Changing-Childhood-Survey-Report-English-2021.pdf>

The most popular Tiktokers make more money than the heads of the largest US corporations. *Novaya gazeta* (2022 January 23). Retrieved from <https://novayagazeta.ru/articles/2022/01/23/dokhody-samykh-populiarnykh-tiktokerov-okazalis-vyshe-chem-u-glav-krupneishikh-korporatsii-ssha-news>

ThinkImpact. Homeschooling Statistics. (2021). Retrieved from <https://www.thinkimpact.com/homeschooling-statistics/#5-reasons-why-parents-choose-to-homeschool-their-children>

Triandis, G. (2014). *Culture and Social Behavior*. Moscow: Izdatel'stvo FORUM.

Turner, V.W. (1987). Betwex and Between: The Liminal Period in Rites of Passage. In L.C., Mahdi, S. Foster, M. Little (Eds.), *Betwixt and Between: Patterns of Masculine and Feminine Initiation* (pp. 3–23). La Salle, Ill: Open Court.

Uznadze, D.N. (2000). *Anthology of Humane Pedagogy*. Moscow: Izdatel'skii Dom Shalvy Amonashvili.

van Gennep, A. (1960). *The Rites of Passage*. Chicago: University of Chicago Press.

Vasiliuk, F.E. (1984). *Psychology of experience. Analysis of overcoming critical situations*. Moscow: Izdatel'stvo MGU.

Who are homeschoolers and how to distinguish them from an ordinary student (2021 October 04). *Foxford. Home school*. Retrieved from <https://externat.foxford.ru/polezno-znat/homeschooler>

Information about the author

Maria V. Tendryakova, Ph.D (History), Senior Researcher, School of Anthropology of the Future, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia; bld. 82, Vernadskogo av., Moscow, Russia, 119571; Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Science. Moscow, Russia; bld. 32, Leninskiy av., Moscow, Russia, 119334; mashatendryak@gmail.com